

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 101—109.

Economic and Social Research. 2022. No. 3 (35). P. 101—109.

Научная статья

УДК 008

doi: 10.24151/2409-1073-2022-3-101-109

Архаизация общественного сознания на фоне цифровой трансформации цивилизации

Ю. В. Лункина¹, Т. В. Растимешина²

^{1, 2} Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

¹ tolkoya@yandex.ru

² rast-v2012@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вызовы цифровизации, затрагивающей всё новые сферы жизни общества, и сопряженные с ней риски для цивилизации. Отмечена присущая цифровизации тенденция к перемещению горизонтальных социальных связей в виртуальное пространство социальных сетей. Социальные сети цифрового формата сравниваются с такими архаическими социальными структурами, как племя и община. Утверждается, что виртуальные сети способны воздействовать на общественное сознание, подталкивая его к архаизации.

Ключевые слова: цивилизация, цифровизация, цифровая трансформация, социальная сеть, общественное сознание, архаизация

Для цитирования: Лункина Ю. В., Растимешина Т. В. Архаизация общественного сознания на фоне цифровой трансформации цивилизации // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 101—109. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-101-109>

Original article

Public consciousness archaization amid a backdrop of digital transformation of civilization

Yu. V. Lunkina¹, T. V. Rastimeshina²

^{1, 2} National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

¹ tolkoya@yandex.ru

² rast-v2012@yandex.ru

Abstract. The authors consider the challenges of digitalization touching upon more new domains of public life and the risks for civilization related to it. A characteristic trend of digitalization was noted: horizontal social connections translocation into the virtual space of social networks.

Digitized social networks are compared to such archaic social structures as a tribe and a community. It has been argued that virtual networks are able to influence public consciousness, pushing it towards archaization.

Keywords: civilization, digitalization, digital transformation, social network, public consciousness, archaization

For citation: Lunkina Yu. V., Rastimeshina T. V. Public consciousness archaization amid a backdrop of digital transformation of civilization. *Economic and Social Research*, 2022, no. 3 (35), pp. 101—109. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-101-109>

Введение. Предпосылки к возникновению сообществ людей, объединенных интересами вопреки разделяющему их расстоянию, мы находим в литературе задолго до изобретения цифровых средств связи. Так, в словах Р. Роллана, еще в начале XX в. вложенных в уста Кола Брюньона: «Дальше жизни моей, дальше нивы моей тянутся борозды; они обнимают землю, они охватывают пространство; подобно Млечному Пути, они покрывают сеть весь лазурный свод» [10, с. 153], курские искусствоведы М. Л. Космовская и А. В. Дячок [4, с. 265—266] увидели прообраз всемирной паутины — безграничного информационного поля, стократ умножающего возможности человека и расширяющего горизонт познания.

Сегодня термин «социальная сеть» относится как к связям человека с другими людьми *в реальном мире*, так и к платформам, поддерживающим социальные связи *в онлайн-режиме*. В настоящей статье понятие «социальная сеть» мы применяем в значении «общение на платформе онлайн-сети». Социальные сети, такие как «Инстаграм», «Твиттер», «Фейсбук»¹, предоставляют каждому из пользователей Интернета дополнительные возможности: в них можно общаться с друзьями, семьей и незнакомыми людьми,

приобретать знания, делиться идеями, информацией, творчеством, произведениями искусства — при этом пропадает необходимость физически презентовать всё физической же аудитории². Социологи и философы сегодня активно обсуждают процессы оформления онлайн-социумов, онлайн-связей и даже онлайн-идентичностей (виртуальная личность в социальной сети может не совпадать с физической личностью: человек презентует себя в онлайн-режиме через аватары, видные публично комментарии, фотографии, видео и др., при этом может наделять себя любыми качествами и свойствами, не соответствующими его личности в реальной жизни и даже противоположными им) и их влияние на трансформацию реального социума и офлайн-отношений между людьми, на состояние общественного сознания права и свободы, на мораль, этику, нормы, ценности, межличностные и институциональные связи.

Расширение индивидуальной социальной сети за пределы традиционного физического круга родственников, друзей, коллег, знакомых имеет ряд очевидных преимуществ, которые отмечают почти все исследователи. Действительно, поскольку общение человека с партнерами по социальным сетям предполагает увеличение количества социальных

¹ По данным опроса ВЦИОМ, проведенного в сентябре 2021 г., в России наиболее популярны пять социальных сетей и мессенджеров: WhatsApp (83 %), YouTube (75 %), «ВКонтакте» (61 %), Instagram (53 %) и Telegram (42 %). У них же наибольшая ежедневная аудитория: WhatsApp — 63 %, YouTube — 39 %, Instagram — 33 %, «ВКонтакте» — 30 % и Telegram — 22 % [8].

² Согласно данным того же опроса, 29 % российской аудитории социальных сетей и мессенджеров (72 % пользователей старше 18 и моложе 24 лет) тратят на них более 3 ч в день, 16 % — 2...3 ч, 25 % — 1...2 ч в день, 19 % — полчаса, а 9 % — менее получаса [8].

связей, как следствие, возрастают экономические и социальные возможности пользователей, принося им свежие идеи: как найти и получить работу, квартиру, как расширить аудиторию (для людей творческих профессий и наклонностей), клиентуру (для фирм и бизнесменов) и даже как обрести партнера³. Социальные сети, помимо прочего, служат инструментом для саморазвития, для управления жизнью и бизнесом, позволяя включать в круг социальных связей таких людей, которых трудно или даже невозможно встретить лично.

Социальная сеть человека в Интернете обычно не повторяет, не дублирует «реальную» социальную сеть. Хотя на платформах социальных сетей можно сравнительно легко обзавестись большим списком друзей и знакомых, многие из связей между людьми, возникающих в виртуальном пространстве, относятся к слабым. Есть данные, подтверждающие, что при всей своей незначительности тот дополнительный по отношению к реальной жизни объем социальной поддержки и то количество социальных связей, которые человек обретает в сети, делают его более уверенным в себе и даже более счастливым. Однако верно и то, что в конечном чувстве удовлетворенности жизнью и психологическом благополучии *реальные социальные связи* имеют больший вес, чем *слабые виртуальные связи*.

Постановка проблемы. Исследователь проблем социальной эпистемологии Е. В. Масланов предостерегает от однозначно позитивного упрощенного восприятия цифровизации, справедливо замечая, что «...цифровизация техногенной цивилизации — это достаточно сложный процесс, который не может рассматриваться добросовестным исследователем лишь как поступательное движение к светлomu

будущему цифровой культуры и общества. Это движение встречает сопротивление со стороны пользователей, которые поднимают вопрос о том, что для них является большей ценностью — *свобода самостоятельно выбирать свой образ жизни, тайна частной жизни, приватность или существование в удобном мире, в котором, однако, больше нельзя говорить о полной анонимности или свободе* (курсив наш. — Ю. Л., Т. Р.). Этот ценностный выбор и предопределяет оптимистичное или настороженное отношение к цифровизации» [7, с. 54]. Изучение проблем приватности и «расширения» — сужения пространства личностной свободы выходит за рамки настоящего исследования. Однако эти проблемы нередко становятся ключевыми в полемике цифровых скептиков и цифровых оптимистов.

Еще более радикальную позицию, чем сдержанные скептики, занимают в отношении процесса цифровизации социальной жизни исследователи О. Б. Иванов и С. В. Иванова: «...в условиях, когда высокоэффективные системы, технологический прорыв, научно-техническое лидерство, достижения в роботизации и создании искусственного интеллекта становятся самоцелью, а человек — ресурсом, капиталом или инструментом, личность тоже трансформируется, а точнее сказать, деформируется, создавая реальный риск (как бы это громко ни звучало) гуманитарного кризиса цивилизации» [3, с. 13—14]. В том же ключе высказывается белорусский социолог Л. Г. Титаренко [13].

Зрелые, состоявшиеся ученые акцентируют внимание на многих гуманитарных рисках, продуцируемых цифровой трансформацией общества. Они не уверены в «нравственной устойчивости» молодых людей, их беспокоит кажущаяся «бездуховность» молодежи, ее подверженность влиянию всевозможных

³ Как свидетельствуют данные упомянутого ранее опроса ВЦИОМ [8], граждане используют для реализации разных видов активности различные сети. Так, в WhatsApp пользователи чаще всего общаются с друзьями и знакомыми в переписке (81 %), обсуждают рабочие вопросы (46 %) и участвуют в групповых дискуссиях-чатах (18 %); во «ВКонтакте» несколько реже общаются с друзьями и знакомыми в личной переписке (59 %), чаще смотрят фотографии, видео и слушают музыку (42 %), читают развлекательный контент (30 %), а в YouTube чаще всего смотрят видео и слушают музыку (51 %), а также читают образовательный (37 %) или развлекательный контент (35 %).

манипуляторов. Так, последние десятилетия ознаменовались яркой и громкой полемикой между двумя исключительно авторитетными американскими социологами: Р. Инглхартом (R. Inglehart), основателем крупномасштабного социологического проекта «Всемирное исследование ценностей» (World Value Survey, WVS)⁴, и Дж. Твендж (J. Twenge).

Соотношение поколений и их восприятие «цифры» (отношение к цифровизации в поколенческом измерении) — одно из важнейших направлений этой полемики — дает нам крайне любопытную оптику, поскольку, на наш взгляд, одна из наиболее интересных и наименее исследованных областей дискурса цифровизации заключается в соотношении между *стремлением к прошлому* (архаизацией) и *устремленностью в будущее* (модернизацией) в рамках цифровых трансформаций. Дорога из прошлого в будущее представляет собой лейтмотив политического, экономического и социального движения цивилизации, для которого используются различные «транспортные средства» и их сочетания. Маршрут этого движения не линеен, и любой «транспорт», оседланный человечеством (или отдельными его агентами) для того, чтобы двигаться вперед, может привести всех людей или часть из них в отправную точку или даже переместить в более раннюю фазу развития. Два взаимодополняющих проекта — гуманитарный прогресс и цифровизация, которая должна оснастить прогресс цивилизации дополнительным «транспортом», — иногда оказываются под угрозой регресса из-за того, что энергия отката усиливается под влиянием цифровых технологий, а сила при этом умножается на скорость передачи информации в цифровом виде.

Цифровые технологии, модернизация и архаизация. Нельзя не согласиться с Д. А. Давыдовым в том, что оптика, намеченная Р. Инглхартом, определила направление философского и социологического дискурса на несколько десятилетий: «С момента выхода

книги американского социолога и политолога Р. Инглхарта “Молчаливая революция: изменение системы ценностей и политического стиля в западном обществе” прошло уже довольно много времени, однако споры о постматериализме не утихают и сегодня. Основная идея Инглхарта сводится к тому, что экономическая модернизация имеет результатом состояние экзистенциальной безопасности, порождающее сдвиг от материалистических (в соответствии с пирамидой Маслоу) к постматериалистическим ценностям самореализации, самовыражения, заботы об окружающей среде и т. п.» [1, с. 87; 14].

Основываясь на анализе данных, полученных в ходе семи циклов социологических исследований в десятках стран мира, авторы проекта WVS указывают на постепенное, по мере наступления постиндустриальной эры потребления и посттруда, изменение ценностей, которые исповедуют и реализуют в повседневной жизни люди во всем мире: *ценности выживания* поступательно, от поколения к поколению, замещаются *ценностями самовыражения и самореализации*, тогда как *секулярные ценности* (тесно переплетенные с общинностью, религиозностью, традиционализмом, устремленностью в прошлое, консерватизмом) постепенно уступают место *индивидуалистическим и рационалистическим*.

Согласно концепции Р. Инглхарта, «Общества, которые высоко ценят ценности самовыражения, характеризуются высоким уровнем межличностного доверия и относительно высоким уровнем субъективного благополучия. Это создает атмосферу доверия и толерантности, люди придают относительно большую ценность индивидуальной свободе и самовыражению» [15, с. 140] (перевод цит. по: [1, с. 88]). Достоверность данных, на которых основывается идея эволюции ценностей, не подлежит сомнению, как и добросовестность конструирующих ее исследователей — Р. Инглхарта и его сподвижников. В этом

⁴ Официальный сайт проекта: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>

отношении другой исследователь, В. С. Мартынов, справедливо отмечает: «Постматериализм проявляется в росте значимости внеэкономических, культурных, ценностных факторов в целеполагании и принятии индивидуальных и коллективных решений в сравнении с экономическими. Поэтому в данном контексте у ряда исследователей возникает довольно *утопическая гипотеза о целенаправленном движении человечества к постэкономическому обществу* (курсив наш. — Ю. Л., Т. Р.)» [6, с. 85]. Соответственно, под влияние (и, в определенном отношении, под обаяние) концепции Р. Инглхарта подпало множество ученых во всем мире; в некотором смысле к адептам идеи эволюции ценностей относим себя и мы.

Однако другие ученые отмечают, в том числе основываясь на данных социологии, откат к ценностям и стратегиям поведения традиционного, доиндустриального мира. Так, Дж. Твендж замечает, что поколение «среднего пальца», не помнящее мира до появления гаджетов и соцсетей, не выказывает приверженности постматериалистическим ценностям: напротив, у них ярко выражено стремление к материализму, консьюмеризму, эгоцентризму [16, с. 204], который усиливается заикленностью на своем профиле в социальных сетях [11]. Так называемое поколение Z некоторые исследователи определяют как исключительно сверхрационалистское и приверженное потребительству, живущее по принципу: «Молодость дается однажды, будь эгоистичен, изучай мир, присваивай, наслаждайся». Автор рецензии на монографию Дж. Твендж А. А. Поплавская приводит содержащееся в книге суждение, основанное на данных социологии: «Подростки стали медленнее взрослеть, погружаться в виртуальность в ущерб реальности, злоупотреблять новыми медиа, меньше общаться и интересоваться новостями. Всё это породило деградацию знаний и навыков, приземленность, рост психических расстройств, неуверенность в себе и будущем, превратное отношение к дружбе,

учебе, работе, семье и деньгам. Основными причинами подобных коренных изменений стали безопасное детство айдженеров и новая информационно-техническая среда, в которую они погружены» [9, с. 84].

Один из аспектов парадоксального отката к материалистическим ценностям и пробуксовывания цивилизации, который мы наблюдаем во всем мире и в современной России, — *архаизация* не только *индивидуального*, но и *общественного сознания*. В значительной степени ее катализатором также выступают социальные сети.

Механизм этой архаизации, с нашей точки зрения, обусловлен тем, что социальная сеть в ее аналоговом, традиционном формате — явление-ровесник социальности как способа существования человека. Она реализует и одновременно очерчивает, развивает и сдерживает область индивидуального в общественных отношениях, связанных с производством и разрушением благ и ценностей. Социальные сети нового — цифрового — образца при всей их глобальности соответствуют также требованию локальности, поскольку в социальной сети человеку обеспечено присутствие, собственное место в структуре и иерархии, возможность кооптироваться и приспособиться, существовать и оставлять след в объективной реальности своего «племени» и своей «общины», что, как цитирует Д. А. Давыдов, дает дополнительный импульс к сосредоточению на себе, на собственной персоне: «Профиль в социальных сетях сегодня стал своеобразным инструментом самореализации: каждый стремится показать себя в самом выгодном свете» [11]; (цит. по: [1, с. 93]). Далее он продолжает: «Отсюда гораздо более слабые *внутренние* приоритеты и более сильные *внешние*» [12, с. 160] (перевод цит. по: [1, с. 93]).

Наряду с этим новые — виртуальные — социальные сети предоставляют человеку уникальную возможность выбирать «племя» и присутствовать в нескольких «племенах» одновременно, параллельно и даже анонимно: в «племени» родителей, преподавателей или

студентов, поклонников футболиста или поп-звезды или члена профессиональной корпорации. В последние десятилетия расширяются сети поклонников не столько людей, сколько торговых марок, что может вызывать откат к консьюмеризму: «...пользователи соцсетей, — констатирует Дж. Твендж, — на 45 % более склонны считать важным приобретение дорогих машин и приобретение загородных домов, и они на 14 % реже говорят, что думают о социальных проблемах» [12, с. 160]; (перевод цит. по: [1, с. 94]).

Пытаясь соотнести эти выводы с утверждением Р. Инглхарта о том, что молодые поколения более альтруистичны и озабочены социальными и экологическими проблемами, мы оказываемся на зыбкой почве гипотез, с трудом (если в принципе) доказуемых. В частности, можно предположить, что ввиду роста публичности и нарциссизма молодого поколения, катализатором которого становится социальная сеть, молодые люди склонны *декларировать* свою приверженность альтруистическим ценностям, но *воздерживаться* от альтруистических практик *в реальной жизни*. Об этом пишет Дж. Твендж: «Люди будут размещать посты в социальных медиа о том, как хорошо немного помочь нуждающимся, но посты в социальных медиа никому не помогают, они бесполезны и лицемерны» [12, с. 165]. В значительной степени такая тенденция соотносится и с отмеченной Р. Инглхартом тенденцией: молодые поколения отказываются от религиозных убеждений, а социальная роль религии и церкви теряет значимость. Следует признать, что когда молодежь сознательно отказывается регулировать и цензурировать свое поведение под влиянием высших сил, религиозных организаций и общин и сопротивляется давлению этих авторитетов, такое приводит к нивелированию смысла братской взаимопомощи в рамках сообщества. Поколение атеистов-эгоцентриков может рассуждать в следующем направлении: «В чем заключается смысл помощи ближнему, если помощь анонимна,

осязаемой общинности нет — она виртуальна, соответственно, нельзя ни присвоить себе авторитет уважаемого члена сообщества, ни ожидать взаимообразной ответной поддержки общины, ни рассчитывать на поощрение высшего существа в виде посмертного отпущения части грехов и уменьшения временного отрезка пребывания в чистилище?»

Есть и иные причины того, что собственно социальная сеть, хоть и облеченная в инновационную форму, способствует не только и не столько модернизации индивидуального и общественного сознания, сколько его архаизации. Анализируя их, мы видим несколько взаимосвязанных факторов.

Во-первых, сеть (и племя) *организованы преимущественно горизонтально*, не предусматривают ни авторитетов, ни экспертной оценки распространяемых внутри сети взглядов и мнений, как и наиболее архаичные социальные практики, такие как религия. В противоположность им, образование, наука и прочие модернизационные и модернизирующие социальные практики организованы вертикально. Так, образование подразумевает иерархию, в которой один обладает знанием, другой же находится на более низкой ступени, только претендуя на приобретение знания, информации, умения, навыка, компетенции. Соответственно, вхождение в горизонтальные отношения тем сложнее (и тем уже круг присутствующих), чем выше удалось подняться по ступеням иерархии знаний.

Здесь следует отметить, что *церковь* (как институт) организована строго иерархически и вертикально, и в этом отношении церковь мы считаем необходимым причислить к современным институтам и сущностям, поддерживающим европейскую цивилизацию. В то же время институт *религии* архаичен и организован горизонтально: его микромодель — религиозная община; в ней может быть глава (старейшина) — продолжая наши параллели, администратор (модератор) сети, — и он (или она) может способствовать поддержанию

порядка и соблюдению принятых норм, но не имеет полномочий и ресурсов, с помощью которых мог (или могла) бы повлиять на поведение отдельных членов общины.

Во-вторых, сеть подразумевает *коллективное присутствие множества анонимов*, тогда как многие модернизационные практики — напротив, подразумевают индивидуальность, личностную ориентированность, ономастику, прямую открытую конкуренцию. Сеть не предполагает не только образования в его классическом понимании, но и просвещения (в интерпретации И. Канта) как способности поставить под сомнение и подвергнуть конструктивной критике индоктринируемые идеи и концепции. В этом отношении сетевизация сознания входит в противоречие также с идеями классического рационализма и картезианства.

Рассмотренные факторы благоприятствуют архаизации сознания внутри сети: здесь проще, чем в вертикальном измерении, распространять ложь, экстремистские идеологии, традиционные антимодернистские ценности, мракобесные домыслы или пропагандистские лозунги. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, является главной причиной существования интернет-сетей «антиваксеров», «свидетелей плоской земли», панславизма и всех видов оккультных практик. Коллективные действия, организованные сетью, также нередко носят архаичный характер и разрушают индивидуалистскую по своей сути культуру модерна: это коллективная травля [5], виртуальная охота и загон жертвы, «разоблачения», клеветнические кампании [2], виртуальные жертвоприношения, разжигание межрасовой, межэтнической и иной вражды и ненависти.

Выводы. В настоящей статье мы не пытаемся ни ставить под сомнение общие результаты исследований Р. Инглхарта и его коллег, представленные в рамках проекта WVS, ни отрицать очевидные гуманистические эффекты социальных сетей и укрепляемых ими горизонтальных связей: уменьшение числа

отверженных, изолированных, маргинализованных и выброшенных из социальности индивидов. Однако сегодня в России мы наблюдаем архаизацию общественного сознания пользователей сетей и ее отрицательные последствия: за сравнительно короткий отрезок времени часть сетевых сообществ трансформировалась из мирного собрания ценителей интеллектуальных бесед в агрессивное подобие первобытного племени каннибалов.

Список литературы и источников

1. **Давыдов Д. А.** Концепция постматериализма Роналда Инглхарта в критической перспективе // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2018. Т. 18. № 3. С. 86—102. <https://doi.org/10.17506/gyipl.2016.18.3.86102>
2. **Евдокимов В. А.** Троллинг в медиасфере // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2019. № 4 (38). С. 41—47. <https://doi.org/10.17238/issn1998-5320.2019.38.41>
3. **Иванов О. Б., Иванова С. В.** Нравственно-гуманистический кризис в информационную эпоху // Ценности и смыслы. 2020. № 3 (67). С. 6—22. <https://doi.org/10.24411/2071-6427-2020-10020>
4. **Космовская М. Л., Дячок А. В.** Будущее рождается сегодня, или Цифровизация как знамение времени // Христианство, искусство, образование: диалог культур, традиции и современность / гл. ред. З. И. Гладких. Курск: Курский гос. ун-т, 2021. С. 264—268.
5. **Маренцова А. И.** Запугивание и травля в сети: феномен cyberbullying // Профилактика зависимостей. 2017. № 3 (11). С. 44—67.
6. **Мартьянов В. С.** Глобальный Модерн, постматериальные ценности и периферийный капитализм в России // ПОЛИС: Полит. исслед. 2014. № 1. С. 83—98.
7. **Масланов Е. В.** О цифровизации: ответ оппонентам // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2021. Т. 4. № 1. С. 51—55. <https://doi.org/10.32326/2618-9267-2021-4-1-51-55>
8. Медиапотребление и активность в интернете // ВЦИОМ: сетевое издание. 23 сентября 2021 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-re>

views/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-i-aktivnost-v-internete (дата обращения: 20.07.2022).

9. **Поплавская А. А.** Что мы знаем о молодежи XXI века? Американские подростки глазами психолога: рец. на кн. Д. Твенге «Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым — и абсолютно не готовым ко взрослой жизни* *и что это значит для всех остальных» (пер. с англ. А. Толмачева) // *Экономическая социология*. 2020. Т. 21. № 3. С. 84—100. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-3-84-100>

10. **Роллан П.** Кола Брюньон: Жив Курилка / пер. с фр. М. Лозинского. М.: Молодая гвардия, 1974. 254 с.: ил.

11. **Стиллман Д., Стиллман И.** Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык / пер. с англ.: Ю. Кондуков. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 272 с.

12. **Твенге (Твендж) Дж.-М.** Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым — и абсолютно не готовым ко взрослой жизни — и что это значит для всех остальных / пер. с англ.: А. Толмачев. М.: РИПОЛ классик; СПб.: Панглосс, 2019. 406 с.

13. **Тутаренко Л. Г.** Цифровая трансформация и гуманитарные риски // *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2021. № 23. С. 60—66.

14. **Inglehart R. F.** The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics. Princeton: Princeton Univ. Press, 1977. 496 p.

15. **Inglehart R. F.** Changing values among Western publics from 1970 to 2006 // *West European Politics*. 2008. №. 1—2. P. 130—146. <https://doi.org/10.1080/01402380701834747>

16. **Twenge J. M.** A review of the empirical evidence on generational differences in work attitudes // *J. Bus. Psychol.* 2010. Vol. 25. Iss. 2. P. 201—210. <https://doi.org/10.1007/s10869-010-9165-6>

References

1. Davydov D. Ronald Inglehart's concept of post-Materialism in critical perspective. *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad.*

nauk = Research Yearbook. Institute of Philosophy and Law. Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2018, vol. 18, no. 3, pp. 86—102. (In Russian). <https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.3.86102>

2. Evdokimov V. A. Trolling in media sphere. *Nauka o cheloveke: gumanitarnyye issledovaniya = Russian Journal of Social Sciences and Humanities*, 2019, no. 4 (38), pp. 41—47. (In Russian). <https://doi.org/10.17238/issn1998-5320.2019.38.41>

3. Ivanov O. B., Ivanova S. V. The moral and humanistic crisis in the Information Age. *Tsennosti i smysly = Values and Meanings*, 2020, no. 3 (67), pp. 6—22. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2071-6427-2020-10020>

4. Kosmovskaya M. L., Dyachok A. V. The future is born today, or Digitalization as the sign of time. *Khristianstvo, iskusstvo, obrazovaniye: dialog kul'tur, traditsii i sovremennost' = Christianity, Art, and Education: Dialogue of Cultures, Traditions, and Modernity*, ed.-in-chief Z. I. Gladkikh. Kursk, Kursk State University, 2021, pp. 264—268. (In Russian).

5. Marentsova A. I. Stalking and bullying in the Net: a phenomenon of cyberbullying. *Proflaktika zavisimostey = Addiction Prevention*, 2017, no. 3 (11), pp. 44—67. (In Russian).

6. Mart'yanov V. S. Global Modern, post-material values and peripheral capitalism in Russia. *POLIS. Politicheskiye issledovaniya = POLIS. Political Studies*, 2014, no. 1, pp. 83—98. (In Russian).

7. Maslanov E. V. On digitalization: a reply to critics. *Tsifrovoy uchenyy: laboratoriya filozofa = The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 2021, vol. 4, no. 1, pp. 51—55. (In Russian). <https://doi.org/10.32326/2618-9267-2021-4-1-51-55>

8. Media consumption and Internet activity. *WCIOM: Russian Public Opinion Research Center*. (In Russian). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-i-aktivnost-v-internete> (accessed: 20.07.2022).

9. Poplavskaya A. A. What do we know about 21st century youth? American teens through the eyes of a psychologist: Book Review: Twenge J. (2019) *iGen. Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy — And Completely Unprepared for Adulthood — And What That Means For The Rest Of Us* (Transl. A. Tolmat-

chev). *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, 2020, vol. 21, no. 3, pp. 84–100. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-3-84-100>

10. Rolland R. *Colas Breugnon. Petit bonhomme vit encore!* Paris, A. Michel, 1948. 302 p.

11. Stillman D., Stillman J. *Gen Z @ Work: How the Next Generation is Transforming the Workplace*. New York, Harper Business, 2017. 320 p.

12. Twenge J. M. *iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy — and Completely Unprepared for Adulthood — and What That Means for the Rest of Us*. New York, Atria Books, 2017. 352 p.

13. Titarenko L. G. Digital transformation and humanitarian risks. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya = Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*, 2021, no. 23, pp. 60–66. (In Russian).

14. Inglehart R. F. *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics*. Princeton, Princeton Univ. Press, 1977. 496 p.

15. Inglehart R. F. Changing values among Western publics from 1970 to 2006. *West European Politics*, 2008, iss. 1-2, pp. 130–146. <https://doi.org/10.1080/01402380701834747>

16. Twenge J. M. A review of the empirical evidence on generational differences in work attitudes. *J. Bus. Psychol.*, 2010, vol. 25, iss. 2, pp. 201–210. <https://doi.org/10.1007/s10869-010-9165-6>

Информация об авторах

Лункина Юлия Валентиновна — магистр издательского дела, редактор журнала «Известия высших учебных заведений. Электроника», Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, г. Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1).

Растимешина Татьяна Владимировна — доктор политических наук, доцент, главный редактор журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования», Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, г. Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1).

Information about the authors

Yulia V. Lunkina — MS in Publishing, editor at the academic journal “Proceeding of Universities. Electronics”, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1).

Tatiana V. Rastimeshina — Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof., editor-in-chief at the academic journal “Economic and Social Research”, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 01.09.2022.

The article was submitted 01.09.2022.